

АГАТА ЛЕЛЬ

ГРЕШНИКИ

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л43

Редактор серии *С. Ленкова*

Оформление серии *Д. Васильченко*

Лель, Агата.

Л43 Грешники / Агата Лель. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-211203-4

Что может быть общего у серьезного мужчины «немного за тридцать» и безбашенной студентки? Кажется, ничего.

Кроме внезапно вспыхнувшего чувства, которое сносит обоим голову.

Он решает ее проблемы — она с легкостью подкидывает ему новые. Лед и пламя. Огонь и вода. С самого начала их история была обречена.

Семь безумных дней любви, страсти и веры в «долго и счастливо» — а потом роковая случайность, которая разлучила их на годы.

Разлучила, чтобы однажды снова столкнуть. И, словно в насмешку, именно тогда, когда шаг назад уже сделать нельзя.

Запретное притяжение вспыхивает с силой ядерного взрыва. Но, как и у всего запретного, у этой страсти слишком высокая цена...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-211203-4

© А. Лель, текст, 2025

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2025

Часть 1

ТРЕУГОЛНИК

Глава 1

Вика

— Иди сюда, я сказал!

— Руки убрал!

— Я говорю — сюда иди! — Рустам дергает меня за капюшон куртки, отчего я по инерции подаюсь назад и едва не падаю на оплеванные ступеньки. — То, что мне про тебя рассказали, — это правда?

— У нас ничего не было! — В подъезде, как обычно, темно, но лунного света достаточно, чтобы увидеть, какие у него яркие глаза. — Я не знаю, кто рассказал тебе эту чушь, но все это бред полный. У Катьки спроси, я с ней весь вечер была!

— То есть это не ты зажималась с Дроновым за клубом?

— Ты совсем больной? Почему ты веришь всем, кроме меня? Вообще-то, это я твоя девушка! Рус, ну прекращай, правда. — Тяжело выдыхаю и провожу ладонью по его отросшей щетине. — Дебилов полно, несут всякую ахинею, а ты уши развесил.

— Точно?

— Абсолютно! На вот, — достаю из кармана телефон и пихаю ему в руку, — звони Косте, он тебе видео с камер покажет. Это была не я.

Рустам несколько секунд молчит, словно взвешивая, стоит ли мне верить, а потом заметно расслабляется. Отпустив капюшон, перемещает руку под воротник моей куртки и мягко массирует пальцами шею.

— Смотри у меня, если только узнаю...

— И что будет?

Нарываюсь. Как пить дать, не избежать продолжения скандала, и Рус действительно сразу же начинает заводиться по новой:

— Потом проверишь. Мне гулящая не нужна, поняла?

— Тон сбавь.

— Твою мать, ну почему ты тугая такая? — Сжимает под моим горлом воротник и припечатывает спиной к стене. — Знаешь ведь, что я не люблю, когда со мной разговаривают вот так. Знаешь, а все равно рот открываешь. Язык у тебя как помело. Думай, что и кому говоришь.

— А не засунул бы ты свои угрозы в задницу!

Наверху скрипит дверь, и на лестничную клетку падает прямоугольник тускло-оранжевого света:

— Опять вы? Да как вы задолбали, а! Идите на улицу и там материтесь, людям на работу рано!

Хлопок двери оказался настолько оглушительным, что с потолка с тихим шуршанием посыпалась серая штукатурка.

— Дура, — бурчу под нос, а потом резко дергаюсь, сбрасывая с себя руки Руса. — Дапусти ты, психопат.

— Да ладно тебе, Вик, ну ты чего, — начинает уже более миролюбиво. — Ну, ты ж знаешь, какой я ревнивый. Как услышал, что ты с Дроном... забрало упало. Ты моя, поняла?

— Люди — не клейменные овцы в стаде, они сами по себе, Рус.

— Это на что ты сейчас намекаешь? — Зло щурится, опершись ладонью о стену, перекрывая тем самым мне путь к лестнице. — Давай обоснуй.

— Песня та же, и поет она же. — Тяжело вздыхаю и смахиваю его руку. — Мне домой пора, дай пройти.

— Нет, ты договаривай, раз начала.

— Пусти. — Начинаю закипать.

— Я с тобой пойду.

— Нет, я пойду одна. Я выспаться хочу, а не отношения выяснять, — пробубнила под нос. — В гробу я их видала.

Опрометчиво. Ох, дура.

Увернуться на успеваю — кожу щеки обжигает пощечина. Больная. Горячая. Позорная.

И, увы, не первая в моей жизни...

— Проваливай отсюда! Вали, я сказала! — Отпихиваю его руками и, удерживая лямку кожаного рюкзака на плече, бегу по темной лестнице на этаж выше. — Уходи! Я сейчас ментам позвоню, понял? Теть Зин, — молочу кулаком по двери соседки, — звони участковому!

— Вик...

— Пошел, урод конченный!

Добежав до своей квартиры, буквально вваливаюсь внутрь, надавив на дверь собственной спиной. Глаза жжет от слез, рывком смахиваю их рукавом куртки и шумно шмыгаю носом.

Какое же ты животное, Самбуров! Ненавижу! Ненавижу!

Подобная стычка у нас далеко не первый раз, он задрал уже своей необоснованной ревностью. Чуть что — вспыхивает как спичка, и попробуй останови. Связалась на свою голову, идиотка, а как развязаться — не знаю.

Обычно после такого он поднимается следом и стучит в дверь, просит впустить, а сейчас на лестничной клетке за спиной тихо, но совсем не это привлекло мое внимание, а...

— А ты кто еще такой?!

На моей кухне, за моим столом сидит незнакомый мужик и пьет что-то из моей кружки.

Глава 2

Увиденное настолько шокировало, что я даже не додумалась сразу испугаться. И лишь один вопрос: что за ерунда?

— Ты кто? — повторяю свой вопрос, и мужик, отставив пойло в сторону, поднимается с табурета.

— Саша.

— Какого хрена ты, Саша, делаешь на моей кухне?

— А тебе мама не звонила разве?

— Чего?

— Мама, говорю, тебе твоя не звонила? Она должна была предупредить, что я приеду сегодня.

И идет напрямиком на меня: высокий, на голову меня точно выше, в пятнистых камуфляжных штанах, берцах и свитере с закатанными до локтей рукавами. Почему-то в памяти всплыла строчка из песни маминой юности «а я люблю военных, красивых, здоровенных» и вот эта вот дама с дебильным начесом из восьмидесятых, скачущая по сцене.

«Здоровенный» запускает руки в карманы штанов и опирается на дверной косяк.

— Не звонила, значит?

— Никто мне не звонил. — С опаской глядя на незнакомца, достаю из кармана телефон. Нет от нее пропущенных. Что за развод?!

— Вот ключи, она мне дала. — Кивает на захламленный журнальный столик, где поверх вороха квитанций, чеков и мятых флаеров лежит связка ключей с брелоком в виде балерины, исполняющей фуэте. Это точно мамин брелок, я ей его подарила.

— Откуда ты мою мать знаешь? Или ты, — брезгливо морщусь, — ее новый хахаль?

— Нет. С твоей мамой меня связывают чисто дружеские отношения. — Голос спокойный, словно это я пришла к нему в гости. Это разозлило.

— Ну, допустим. — Наступаю на задник, стягивая кроссовки. — И дальше что? Что ты тут забыл, друг? — выделяю самой отвратительной интонацией.

— Приехал по делам, надо было где-то пару дней перекантоваться. Твоя мама предложила мне остановиться у вас.

— А у меня она спросить не забыла?

— Она должна была позвонить.

— Должна... Она до хрена что должна была, но никогда не делала. — Задев его бедром, захожу на кухню и, наливая прямо из-под крана воды, изучаю расставленные на столе разносолы. Открытая банка консервов, хлеб, колбасная нарезка. С края практически пустой кружки свисает бирка чайного пакетика.

— Это ты там в подъезде кричала?

Оборачиваюсь к гостю и залпом допиваю последние глотки воды. С громким стуком ставлю кружку на стол.

— Может, и я. Тебе-то что?

— А что с лицом? — Он в два шага оказывается рядом и, приподняв мой подбородок пальцами, придирчиво рассматривает разводы туши.

— Не твоего ума дело, дядь Саш. Ты по делам приехал? Вот доделывай и отчаливай туда, откуда прибыл. И да. — Оборачиваюсь у двери своей комнаты. — У меня под подушкой газовый баллончик, только попробуй сунуться, понял?

— И давно он тебя бьет? — Игнорирует мои взбрыки. Лицо больше не кажется расслабленным: он собран, может, даже немного зол. Между бровей залегла складка. — Парень твой. Это же он тебя ударил? У тебя щека красная.

— Не твоего ума дело, говорю. — Закрываю за собой дверь и для верности защелкиваю допотопный шпинга-

лет. Смешно, конечно, вон он какой здоровый, если захочет, одним мизинцем... но все-таки. Да и вообще, не дура же мать — подселать ко мне неадекватна. Хотя, зная ее... вот совсем не факт.

Надо выяснить, кто это такой, предупрежден — вооружен.

Не обращая внимания на позднее время, набираю номер матери и, опустив пятую точку на край обшарпанного подоконника, слушаю семь длинных гудков. Глаза слипаются от перманентного недосыпа, но я стойко пялюсь на голые деревья за окном. Закат осени в нашей жопе отчаянно живописен. Особенно в первом часу ночи.

— Алло, Вик? Ты чего поздно так? На часы смотрела? — сонно хрипит мама, после чего шумно зевает.

— Какого черта, мам? — Сразу в бой. — Что этот мужик делает в моей квартире?!

— Вообще-то, это наша общая квартира, на минуточку.

— Но сейчас здесь живу я, а не ты!

— Не грызайся, я твоя мать, вообще-то.

— Угу, хороша мать — сама в Москву строить личную жизнь укатила, а меня в этой дыре гнить оставила.

— Ты сама поехать не захотела!

— А ты особо и не настаивала!

— Ладно, все, не будем ругаться, хорошо? Ну что мы вечно как кошка с собакой. — Тяжело вздыхает. Слышу, как она тихо закрывает за собой дверь, видимо, чтобы не разбудить трепом новоиспеченного мужа. — Прости, я должна была позвонить тебе и сказать, что придет Саша. Но что-то закружилась, забегалась...

— Тяжело по салонам красоты да соляриям мотаться, да, мам? — Не могу сдержаться укоризненный смешок. — Да и не поднимать ничего тяжелее...

— Так, все! — обрывает. — Не время, да и вообще. Что, ты мне теперь всю жизнь припоминать будешь, что

после того, как папа умер, я не скисла, а продолжила жить дальше?

По больному. Да, мне было тяжело это принять. Тяжело! Когда я почти целый год рыдала в подушку, потому что отец был для меня всем, она чудесным образом оправилась за какие-то несколько месяцев. Более того — успела найти себе нового хахала. И не обычного — бизнесмена-москвича, который приехал в нашу дыру в командировку. Он дал ей право выбора: либо ты едешь со мной в столицу, либо, прости, нам не по пути, Варя. Оно и понятно, у него там прибыльное дело, квартира, блатные друзья. Тут ему ловить было нечего. Мама, недолго думая, согласилась. Мне всего семнадцать было, я еще училась в школе и напрочь отказалась с ними куда-то ехать. А она даже не думала уговаривать.

«А что, ты взрослая уже, одиннадцатый класс оканчиваешь. Я в твои годы одна жила в студенческой общаге. И ничего, человеком выросла».

Нет, понять ее было можно — ей всего тридцать семь, молодая, красивая, зачем ее новому мужу такой балласт в виде взрослой падчерицы? А может, как предположила моя подруга Катька, она просто испугалась конкуренции, потому что я тоже молодая и красивая. В итоге мама уехала строить новую жизнь со своим Маратом, а я осталась, чему, кстати, была очень рада. До некоторых пор...

— Ладно, проехали, чего одно и то же сто раз перетирать. — Отколупываю ногтем краску с облезлой оконной рамы. — Что за Саша вообще, кто он?

— Это брат Марата, родной. Майор в отставке, между прочим.

— В отставке? Типа на пенсии? Так он же вроде нестарый еще.

— Тридцать четыре года.

— Выходит, из армии его турнули? И за что?

— Ой, Вик, я в эти дела не лезу. Если захочет, сам расскажет, время будет.

— В смысле «время будет»? — Моментально «проснувшись», спрыгиваю с подоконника. — Он тут что, надолго, что ли? Я думала, одну ночь переночевать!

— Ну, может, и не одну. Я же не знаю точно, что у него там за дела. Он нас с Маратом не посещал.

— Ну, зашибись! На фиг он мне тут сдался? А если он психопат? Или того хуже — извращенец?

— Ну что ты говоришь такое, дурочка! Саша — уважаемый человек, порядочный. Знаешь, сколько он в горячих точках побывал? У него даже медали есть.

— И что здесь забыл этот «порядочный»? — Опускаюсь на корточки у двери и, прищурив один глаз, подсматриваю в замочную скважину: Саша в одних «военных» штанах только вышел из ванной. Волосы мокрые, на плечах блестят капли воды. Ни фига себе, у него спина широкая, как взлетная полоса!

— Оказывается, он раньше у нас в городке служил, даже женат был на местной. Потом они развелись — без понятия, из-за чего, что там у них за отношения сейчас, но он к ней приехал. Квартиру, что ли, его делить, не знаю. — Снова зевает. — Он не особо разговорчивый, а я не вникала. Не мое дело, своих забот хватает.

— Поня-ятно.

Гость скрывается за дверью спальни напротив моей, и я наконец отлипаю от замочной скважины.

— Ну ладно, пусть перекантуется пару дней, только ко мне не лезет. Если что, я сразу коленом по... сама знаешь. Мало не покажется.

Мама хрипло смеется, и я ловлю себя на мысли, что соскучилась по этой предательнице. Правда, никогда в этом не признаюсь, как и в том, в какую задницу я тут без нее угодила.

— Доброе утро.

— И тебе не болеть. — Шаркая тапками по полу, захожу на кухню. До отвращения выпавшийся «порядочный» сидит за столом. Черная футболка, модные джоггеры, гладко выбрит и свеж. А на столе...

Это что еще за хрень такая?

Вытянув шею, заглядываю в его тарелку.

Фу-у, овсянка на воде. Буэ.

— Будешь?

— Нет, спасибо. Я такое не ем. — Щелкаю кнопкой чайника и падаю на табуретку напротив. Потом, игнорируя его внимательный взгляд, достаю из кармана пижамных шорт пачку сигарет. Затем зажигалку. Прикурив, киваю на подоконник: — Пепельницу не подашь?

Кухня до безобразия тесная, поэтому ему достаточно просто чуть повернуться и протянуть руку. Чего он не делает.

— Никотин на голодный желудок... — Пихает в рот ложку склизкого дерьма. — Тебе еще детей рожать.

— Ой, не лечи. — Выдыхаю дым нарочито протяжно и закидываю ногу на ногу. — Ты мне еще лекцию о безопасном сексе прочитай.

Он криво ухмыляется и поддвигает к себе кружку с чаем, потом делает большой глоток, по-прежнему не отрывая от меня пристального взгляда.

А он ничего такой: высокие скулы, красивой формы губы, нос чуть-чуть сплюснут, ну тут, по-моему, не природа постаралась, а чей-то увесистый кулак. Но что особенно выделяется — взгляд. Он смотрит не стесняясь, но не раздевая, ничего такого, просто... чувствуется в нем первобытная самость.